

УДК 327.1

«Желтые народы» во взглядах русского православного духовенства в конце XIX – начале XX вв.

Я. С. Гузей

*Европейский университет в Санкт-Петербурге,
г. Санкт-Петербург*

Статья посвящена изучению представлений церковнослужителей, миссионеров о «неправославных» соседях Российской империи. В частности, в статье анализируется отношение служителей Русской православной церкви к китайцам, корейцам и японцам на рубеже XIX–XX вв.

Ключевые слова: Русская православная церковь, «желтые», «желтая опасность», «язычники», неправославные.

В конце XIX – начале XX вв., в условиях активной дальневосточной политики царского правительства и массовой миграции на российский Дальний Восток из соседних государств, среди русской публики особое распространение получили рассуждения о «желтой опасности» – своеобразной угрозе, которую «желтые» – азиатские народы, в первую очередь китайцы, японцы и корейцы, – якобы могут представлять для цивилизованных европейских государств. События международного масштаба, такие как боксерское восстание в Китае (1898–1902) и русско-японская война (1904–1905), способствовали еще большей популяризации этой идеи и заставили российское общество обратить особое внимание на азиатов. С неизбежной выработкой отношения к «желтым» народам в этот период пришлось столкнуться и представителям Русской православной церкви.

В российской и зарубежной историографии эта тема до сих пор фактически не получила своего развития, хотя отдельные аспекты данной проблематики и поднимались в работах М. В. Белова [2], М. Ахметовой [1].

Между тем Русская православная церковь, оказывавшая значительное влияние на все стороны жизни позднеимперской России, имела большое идеологическое воздействие на российскую публику. Основная масса русского православного населения всегда прислушивалась к мнению служителей церкви, уделяла их взглядам особое внимание. Именно поэтому изучение представлений о «желтых» народах, бытовавших среди церковнослужителей, крайне важно и значимо: рассмотрение данного вопроса позволит лучше понять сам феномен антиазиатских настроений в Российской империи и, быть может, даст возможность ответить на вопрос, какую роль Русская православ-

ная церковь играла при идентификации азиатских народов в империи в качестве «чужаков».

Не претендуя на всеохватное освещение этой сложнейшей проблематики, заслуживающей отдельного исследования, в данной статье будет сделана попытка осветить некоторые аспекты отношения русского православного духовенства к «желтым» народам, преимущественно китайцам и корейцам, как в мирное, так и в военное время. Стоит отметить, что термин «желтые» в конце XIX – начале XX вв. достаточно широко употреблялся в Российской империи как собирательное название азиатских народов, и, несмотря на его очевидный «расовый» характер, шовинистическую окраску он получал только в устах ксенофобов. Служители Русской православной церкви фактически не использовали данное понятие, однако этот термин, как отражающий «дух» эпохи, был сознательно вынесен автором в заглавие работы.

Впервые с «желтыми» народами церковнослужителям пришлось столкнуться на российском Дальнем Востоке, где, начиная со второй половины XIX столетия, развернулась активная миссионерская деятельность.

В процессе утверждения российского самодержавия на Дальнем Востоке Русской православной церкви отводилась совершенно особая роль: в распространении и поддержании православия царское правительство видело один из важнейших способов воспитания верноподданнических чувств среди населения. Сделать азиатскую часть империи «своей» – значило сделать ее православной.

Между тем Дальний Восток, в качестве объекта миссионерской деятельности, оказался весьма непростым регионом: кроме переселенцев из европейской части России и местных аборигенных народов – инородцев, проживающих на его территории, здесь постоянно находилось значительное число приезжих. Активное освоение и развитие Дальнего Востока, инициированное царским правительством, способствовало массовой миграции в империю из соседних государств, преимущественно из Китая: к концу XIX столетия почти все крупные дальневосточные города от Читы до Владивостока имели целые китайские кварталы со значительным числом приживавших здесь рабочих и торговцев. Согласно данным Приамурского генерал-губернатора Н. И. Гродекова, к 1900 г. на Дальнем Востоке проживало уже более 52 тыс. китайцев и 12 тыс. корейцев [4, л. 15].

Такое количество «желтых» в регионе не могло не обратить на себя внимания Русской православной церкви. Уже в 1898 г. Камчатский епископ Евсей, совершивший поездку по епархии, пришел к убеждению, что Владивосток «далеко не русский, а китайский город», где «китайская жизнь проявляет себя на каждом шагу» [11, с. 37]. Увеличение числа мигрантов из Азии отмечали и рядовые миссионеры. В одном из ежегодных миссионерских отчетов сообщалось, что численность только одних китайцев на Дальнем Востоке «весьма значительна» и «ежегодно прогрессивно возрастает, доказательством чего может служить то обстоятельство, что, кажется, нет ни одной деревни в крае, где бы не встретился десяток-другой сынов поднебесной империи...» [19, с. 104].

Учитывая тот факт, что большинство приезжающих в регион азиатов являлись лицами нехристианского вероисповедания, сохранение масштабов миграции из Азии, по мнению служителей Русской православной церкви, грозило в дальнейшем внести серьезные изменения в дело распространения и поддержания православия в регионе. Строго следившие за духовно-нравственным состоянием своей паствы, отцы Русской православной церкви всерьез полагали, что увеличение в регионе неправославных самым негативным образом может повлиять как на религиозные убеждения русских переселенцев из европейской части империи, так и на недостаточно окрепших в вере крещеных инородцев.

Неудивительно в этих условиях, что Русская православная церковь всегда стремилась вести самый строгий учет численности проживающих в империи «язычников», т. е. тех, кто незнаком с учением Христа. На Дальнем Востоке их принято было подразделять на «местных», представленных коренными народами, и «пришлых» – мигрантов из Китая, Кореи и Японии, отношение к которым качественно отличалось.

Наибольший интерес Русская православная церковь проявляла скорее к «местным» «язычникам», чем к «пришлым», ведь именно на обращение «местных» «язычников» в христианство, в первую очередь, и была направлена миссионерская деятельность церкви. Такая «политика» церкви, в свою очередь, находила и активную поддержку правительства: принявшее православную веру коренное население Дальнего Востока считалось уже куда более надежной опорой царской власти на дальневосточной окраине. Крещение инородцев преподносилось церковью как целенаправленное преодоление разрыва между «образованными» народами и народами «дикими», варварскими: между русскими православными переселенцами из европейской части империи и инородцами через приобщение последних к христианству. С этой точки зрения деятельность церкви на Дальнем Востоке рассматривалась еще и как цивилизаторско-просветительская. В результате и отношение православных миссионеров к «местным» язычникам было весьма «либеральным» – в них видели тех, кто нуждается в религиозном просвещении и наставлении.

Совсем иначе складывались отношения между служителями Русской православной церкви и «пришлыми язычниками». Принимать православие, которое долгое время считалось строго обязательным для получения русского подданства, большая часть мигрантов, приезжавших в Российскую империю исключительно в поисках заработка, были не намерены, потому и церковь расценивала их присутствие как совершенно ненужное и даже вредное в интересах дела.

На постоянное местожительство среди всех «пришлых» в крае стремились остаться в основном только корейцы, с 70-х гг. основавшие значительные поселения, преимущественно в Южно-Уссурийском крае, по долинам рек Суйфуна, Лефу, Сучана. В этих условиях в Камчатской епархии даже был создан специальный «Корейский отдел», занимавшийся проповеднической деятельностью среди корейцев, однако, по мнению самих священнослужителей, успехи его в деле крещения иностранцев были весьма сомнительными. В

своих отчетах работавшие в отделе миссионеры признавались, что «к христианской религии и просвещенные святым крещением корейцы относятся не с должным вниманием» и едва ли принимают его «по убеждению в спасительности православия» [12, с. 241].

Крещение было и оставалось для мигрантов из Азии не более чем возможностью получить русское подданство. Как результат, и «просвещенные крещением» иноземцы продолжали сохранять верность религии своих предков, оставаясь равнодушными к наставлениям и увещаниям священнослужителей. На многочисленные жалобы миссионеров по этому поводу епархиальное начальство замечало, что «от примитивного идолопоклонника китайца или корейца требовать полной чистоты и возвышенности намерений в деле принятия христианства невозможно; это значило бы, что он с корнем вырвал свою много лет язычествовавшую душу и сразу облекся в нового человека» [15, с. 49].

Наиболее нежелательным среди церковнослужителей считалось пребывание на Дальнем Востоке китайцев. В отличие от корейцев, они менее охотно принимали православие. Согласно отчету о миссионерской деятельности за 1897 г. в Камчатской епархии православие принял всего лишь один китаец, в то время как среди корейцев крестились 82 человека, и это при том, что количество пребывающих в епархии китайцев было в разы выше [13, с. 152]. Даже желание остаться в России зачастую не могло «заставить» мигрантов из Поднебесной отказаться от веры своих предков: к концу XIX столетия среди китайцев даже наметилась тенденция получения русского подданства без принятия христианства. Согласно сведениям одного из авторитетнейших дальневосточных изданий, после того, как одному из китайцев-нехристиан Приморской области в 1898 г. удалось получить русское подданство, его соплеменники «один за другим» стали возбуждать об этом ходатайства [14, с. 3].

Однако особое беспокойство церкви вызывало отнюдь не то, что китайцы не стремились принимать православие: наиболее серьезную проблему священнослужители усматривали в их покровительстве местным шаманам – главным врагам христианства в регионе, по мнению церковнослужителей [13, с. 152]. «Шныряющие» по всему краю «с целью легкой заработка и мелкой торговли», китайские торговцы снабжали дальневосточных шаманов водкой и различными диковинными подарками, столь необходимыми при осуществлении различных обрядов, тем самым поддерживая культ шамана среди населения [19, с. 105]. Такая связь местных шаманов с китайцами зачастую указывалась миссионерами в качестве одного из основных препятствий к распространению православия среди инородцев Дальнего Востока [9, с. 266].

Ко всему прочему, ссылаясь на слухи, бытующие среди инородцев, православные миссионеры выражали уверенность, что и сами китайские торговцы есть никто иные, как тайные агенты или шпионы китайского правительства, которые собирают с инородцев ясак в пользу китайского правительства [9, с. 266]. Небезынтересно, что, выдвигая подобное обвинение в адрес китайских мигрантов, служители Русской православной церкви выступали уже не в качестве ревнителей веры, а в качестве защитников самодержавия.

В результате китайцы чаще других народов «желтой расы» позиционировались церковнослужителями как «враги христианства» и «русского владычества на Амуре», а потому их присутствие на российских дальневосточных рубежах считалось крайне нежелательным [13, с. 148].

Неприязнь служителей Русской православной церкви к китайцам особенно «усилилась» во время боксерского восстания в Китае, где в 1898–1902 гг. развернулось крупнейшее антииностранное движение, направленное против масштабной деятельности европейских держав на территории Китая.

Восстание довольно быстро приняло масштабы «борьбы за веру», так как с особой жестокостью боксеры расправлялись именно с христианскими миссионерами, в которых видели главных проводников иностранного влияния. Неслучайно, что российские средства массовой информации представляли карательную экспедицию восьми держав, направленную на подавление восстания, как борьбу христианства с язычеством, как «ратоборство за идею законности и порядка, за священнейшие начала христианской цивилизации против темной силы язычества и фанатизма в их наиболее диких и отрицательных проявлениях» [7, с. 1].

В этих условиях Русская православная церковь открыто выступила в роли «пропагандиста» военных действий в Китае. Главные религиозные издания страны развернули кампанию по «оправданию» экспедиции русских войск в Китай: «Китайцы восстали против христиан и решили или изгнать из своей страны, чтобы не осталось и следа их существования в Китае, или же предать их позорной смерти. Но за что же? За имя Христово» [8, с. 15].

В это время неприязнь церковнослужителей к китайцам отчетливо проявилась не только в проповедях священников, читаемых в церкви, но также в их дневниках и воспоминаниях. Священник Н. А. Дьяков, например, не находил в китайцах абсолютно никаких положительных качеств и весьма критично замечал, что и миролюбие, которое столь часто называется «наиболее симпатичною чертою в характере китайца», скорее является «только враждебной склонностью к спокойствию» [6, с. 190].

Расправы боксеров с христианами в Китае серьезно повлияли на отношение русских к китайцам, проживающим в России: с началом восстания участились случаи насильственных расправ над китайцами. Особенно критическая в данном отношении ситуация сложилась на российском Дальнем Востоке, где в это время начались массовые избиения китайцев.

В этих условиях на священнослужителях оказалась большая доля ответственности: согласно нормам общехристианской морали, своим поведением и обращением с китайцами они должны были служить благоприятным примером для населения. И действительно, некоторые церковнослужители вступались за китайцев, стремясь спасти их от неминуемой расправы. По свидетельству одного из жителей Дальнего Востока Н. И. Степанова, в одной из деревень Амурской области к разъяренной толпе односельчан, решившей убить проживавшего среди них маньчжура, «с евангелием в руках» вышел батюшка и «рассказал, что убивать Бог не дозволяет» [17, с. 44]. Аналогичный случай описывал в своих воспоминаниях и ссыльный социал-демократ Л. Г. Дейч:

священник спрятал в церкви нескольких маньчжур, спасавшихся от преследования, и не выдал их, «несмотря на требования и даже угрозы прихожан убить его» [5, с. 28]. В то же время Л. Г. Дейч отмечал, что это был, пожалуй, единственный известный ему случай «благотворного и вместе истинно христианского заступничества за несчастных китайцев и маньчжуров» со стороны деятелей Русской православной церкви [5, с. 28]. По его мнению, священнослужители чаще всего были равнодушны к судьбе китайцев, а потому на мольбы жительницы Благовещенска, пытавшейся спасти своего китайского слугу от расправы, местный архиерей, «представитель христианской любви и милосердия», заявил, что «она напрасно хлопочет за иноверца, так как ему не следует доверять» [5, с. 18].

Как бы там ни было, все зависело, по всей видимости, от каждого конкретного священнослужителя и его личностных качеств. В сложившейся ситуации каждый поступал так, как считал нужным: одни стремились защитить иноверцев, другие равнодушно относились к расправам над ними, а кто-то находил возможность даже использовать происходящие события в своих личных интересах. К примеру, в Благовещенске архиепископ Никодим, в марте 1901 г., в качестве веского аргумента для строительства храма в городе ссылался на тот факт, что во время восстания боксеров город, который от Китая отделяли только воды Амура, не был взят китайцами только благодаря божественному провидению [10, с. 106].

О «коварных» азиатах служители Русской православной церкви заговорили и в 1904 г., в связи с началом Русско-японской войны. Примечательно, что главное духовное учреждение Российской империи Святейший Синод рассматривало Русско-японскую войну как войну с язычниками за «историческое призвание» России быть «насадительницей христианского просвещения на Дальнем Востоке» [3, с. 18]. В это время, так же как в 1900 г., когда русские войска участвовали в подавлении восстания ихэтуаней, Русская православная церковь позиционировала противников в качестве «коварных», «свирепых» «язычников», которые напали на богобоязненную Русь, «уповая не на Бога, ибо они его не чтут, и даже не на свое могущество и силу, а паче всего на свое лукавство и коварство» [16, с. 308].

В результате в основе отношения церковнослужителей к азиатам лежал антагонизм, основанный на традиционном противопоставлении «христиан» и «язычников». С этой точки зрения для церковнослужителей не столько была важна национальность, сколько религиозная принадлежность. Вероисповедание для Русской православной церкви выступало, пожалуй, главным критерием классификации различных народов и деления мира на Восток и Запад. Именно поэтому для миссионеров не существовало никаких «желтых» народов: православное духовенство подходило к этому вопросу исключительно с религиозной точки зрения. В противном случае довольно сложно было бы объяснить тот факт, что в 1902 г. к лику святых Русской православной церкви были причислены 222 китайца-христианина, убитые во время боксерского восстания в Китае.

Показательно, что подобное деление на «христиан» и «язычников» нашло свое отражение и среди простых российских обывателей. Авторитетный публицист, редактор «Нового времени» А. С. Суворин был возмущен тем, что в отношении китайцев ему не раз приходилось слышать слово «язычники»: «Почему язычники? Китайцы-язычники только на пономарском языке. А пономарский язык давно надо бы бросить в политических статьях и пользоваться европейским языком, на котором китайцы – буддисты, магометане, конфуциане и христиане» [18, с. 826]. Между тем данный факт не представляется удивительным, если учесть, какую значительную роль Русская православная церковь играла в жизни населения Российской империи, а потому вероисповедание зачастую оказывалось определяющим критерием деления народов не только среди русского духовенства, но и среди значительной части русского общества.

Идентификация же народов по национальной принадлежности становилась значимой для Русской православной церкви только тогда, когда последняя брала на себя роль «заступницы самодержавия»: в этом случае к стереотипу «язычника-азиата» добавлялись еще и рассуждения о торгашах-шпионах, добывающих ценные сведения для своего правительства.

Между тем представления духовенства об азиатах и отношение к ним служителей Русской православной церкви не были устойчивыми: они трансформировались под влиянием происходящих событий. Во время подавления боксерского восстания в Китае и Русско-японской войны высказывания духовенства в адрес азиатов, выступивших в качестве противников России, приобретали более негативную окраску. В это время церковь выступала скорее в роли политического института и действовала в русле военной пропаганды, направленной на мобилизацию общества, которая предполагает непрерывное возбуждение в массовом сознании сильных негативных эмоций по отношению к противнику.

События рубежа XIX–XX вв. отчетливо показали, что Русская православная церковь не была в стороне от злободневных проблем своего времени. Она не меньше царского правительства была обеспокоена присутствием на Дальнем Востоке представителей азиатских государств, международными конфликтами на Востоке и по-своему выстраивала свои отношения с представителями чуждой культуры и вероисповедания. Между тем данный вопрос исключительно сложен и, безусловно, заслуживает отдельного, более детального исследования.

1. *Ахметовой М.* «Желтая угроза» в представлениях современной прицерковной среды // Антропологический форум. Современные тенденции в антропологических исследованиях. – СПб., 2004. – № 1. – С. 238–249.

1. *Ahmetova M.* «The Yellow peril» as perceived by the modern parish environment // The Anthropological forum. The modern trends in the Anthropological researches. – SPb., 2004. – N 1. – P. 238–249.

2. Белов М. В. Русская православная церковь и корейцы 1865–1917 : дис. ... канд. ист. наук / М. В. Белов. – М., 1995. – 169 с.
3. Божию Милостию Святейший Правительствующий Синод возлюбленным чадам Святой Православной Всероссийской Церкви // Забайкальские Епархиальные ведомости. – Чита, 1905. – 1 марта. – С. 18.
4. Всеподданнейший доклад генерал-губернатора от инфантерии Гродекова за 1898, 1899, 1900 гг. // РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 332. 80 л.
5. Дейч Л. Г. Кровавые дни. Эпизод из русско-китайской войны / Л. Г. Дейч. – СПб., 1906. – 32 с.
6. Дьяков Н. А. Год на крейсере «Адмирал Нахимов» / Н. А. Дьяков. – СПб., 1902. – 230 с.
7. Китай и европейская цивилизация // Московские ведомости. – 1900. – 2 июля. – С. 1.
8. Колобов М. К военным действиям в Китае // Забайкальские епархиальные ведомости. – Чита, 1900. – № 22. – С. 10–15.
9. Куплетский М. Препятствия к обращению инородцев в христианство // Церковные ведомости. – СПб., 1900. – № 7. – С. 266.
10. Никодим. Воззвание. Возлюбленные о Господе чада мои – жители благо-спасаемого града Благовещенска // Благовещенские епархиальные ведомости. – 1901. – № 6. – С. 106–108.
11. Описание поездки преосвященного Евсея, епископа Камчатского для обозрения церквей епархии, совершенной с 8 июля по 22 августа сего 1898 г. // Камчатские епархиальные ведомости. – 1899. – № 3. – С. 33–41.
12. Отчет о состоянии и деятельности Камчатской Епархии за 1898 г. Корейский стан // Камчатские епархиальные ведомости. – 1898. – № 13. – С. 240–248.
13. Отчет о миссионерской деятельности в Камчатской епархии за 1897 г. // Камчатские епархиальные ведомости. – 1898. – № 9. – С. 142–152.
2. Belov M. V. Russian Orthodox Church and the Koreans 1865–1917 : thesis of Candidate of Historical Sciences / M. V. Belov. – M., 1995. – 169 p.
3. The Sacred Governing Synod to the parishioners of Russian Orthodox Church // The Transbaikalian eparchial bulletin. – Chita, 1905. – March the 1st. – P. 18.
4. The loyal report of the Governor-General from infantry general Grodekov in 1898, 1899, 1900 // The Russian State Historical Archive (RSHA). F. 1282 Inv. 3. Doc. 332. 80 p.
5. Deich L. G. The murderous days. An incident of the Russian-Chinese war / L. G. Deich. – SPb., 1906. – 32 p.
6. Dyakov N. A. One year on the «The Admiral Nahimov» cruiser / N. A. Dyakov. – SPb., 1902. – 230 p.
7. China and the European civilization // The Moscow bulletin. – M., 1900. – July 2nd. P. 1.
8. Kolobov M. K. Hostilities in China // The Transbaikalian eparchial bulletin. – Chita, 1900. – N 22. – P. 10–15.
9. Kupletskii M. Obstacles to the conversion to orthodoxy for the adherents of different faiths // The Church bulletin. – SPb., 1900. – N 7. – P. 266.
10. Nicadim. The appeal. Let's us love God, my children, residents of the city of Blagoveshchensk // The Blagoveshchensk eparchial bulletin. – 1901. – N 6. – P. 106–108.
11. The journey of the Right Reverend Yevsey, Bishop of Kamchatka for the survey of church diocese, done from June 8th to August 22nd in 1898 // The Kamchatka eparchial bulletin. – 1899. – N 3. – P. 33–41.
12. The Kamchatka eparchy report on activities in 1898. The Korean camp // The Kamchatka eparchial bulletin. – 1898. – N 13. – P. 240–248.
13. The Kamchatka eparchy report on the missionary activities in 1897 // The Kamchatka eparchial bulletin. – 1898. – N 9. – P. 142–152.
14. The Chinese took out Russian citizenship // The Eastern bulletin. – Vladivostok, 1898. – September the 1st. – P. 3.

14. Переход китайцев в русское подданство // Вост. вестн. – Владивосток, 1898. – 1 сент. – С. 3.
15. Распоряжения епархиального начальства // Благовещенские епархиальные ведомости. – 1901. – 30 июня (№ 12). – С. 46–49.
16. Слово Преосвященнейшего Мефодия, сказанное в воскресенье 24 октября // Забайкальские епархиальные ведомости. – Чита, 1904. – 15 нояб. – 1 декаб. – С. 308.
17. Степанов Н. И. Восемь месяцев в походе: Очерки минувшей китайской экспедиции / Н. И. Степанов. – Харбин, 1907. – 73 с.
18. Суворин А. С. В ожидании века XX: маленькие письма 1889–1903 / А. С. Суворин. – М. : Алгоритм, 2005. – 1024 с.
19. Число раскольников и особенно иноверцев в епархии // Камчатские епархиальные ведомости. – 1898. – № 14. – С. 102–106.
15. Orders of the eparchial authorities // The Blagoveshensk eparchial bulletin. – 1901. – N 12. June 30th. – P. 46–49.
16. Speech of the Right Reverend Me-fodiy, maid on Sunday October the 24th // The Transbaikal eparchial bulletin. – Chita, 1904. – November 15th – December 1st. – P. 308.
17. *Stepanov N. I.* Eight months passed in the military expedition. Essays of the military expedition to China / N. I. Stepanov. – Harbin, 1907. – 73 p.
18. *Suvorin A. S.* Loking forward to the XXth c.: short letters 1889–1903 / A. S. Suvorin. – M. : Publishing house «Algorithm», 2005. – 1024 p.
19. The number of dissenters and specifically infidels in the diocese // The Kamchatka eparchial bulletin. – 1898. – N 14. – P. 102–106.

«Yellow nations» as Perceived by the Russian Orthodox Clergy at the End of the XIXth – the Beginning of the XXth C.

Ya. G. Guzei

European University in St. Petersburg, St. Petersburg

The article concerns the analysis of the church attendants and missionaries' attitude towards non-Orthodox neighbors of the Russian Empire. In particular it examines attitude towards the Chinese, the Koreans and the Japanese at the end of the XIXth – the beginning of the XXth c.

Key words: Russian Orthodox Church, «yellow», «yellow peril», «pagans», non-Orthodox.

Гузей Яна Сергеевна – слушатель (аспирант) Европейского университета в Санкт-Петербурге (ЕУСПб), 664019, г. Иркутск, ул. Напольная, 113–51, тел. 8(3952)275215, e-mail: guzeiana@mail.ru

Guzei Yana Sergueevna – Postgraduate student of the European University in St. Petersburg (EUSPb), 664019, Irkutsk, Napolnaya St., 113-51, phone 8(3952) 27-52-15, e-mail: guzeiana@mail.ru